

Анализ исходного текста выявил специфическую стилистику: ироничный, слегка отстраненный тон, характерный для качественной уся-прозы, где возвышенные рассуждения о чести соседствуют с едким бытовым юмором. Особое внимание уделено передаче характеров Пяти Бедствий: тщеславной Уянь, холодного Усиня и «ленивого» гения Умина. Синтаксис перестроен для устранения монотонности, добавлены чисто русские обороты («ни кровинки в лице», «совать голову в петлю»), при этом сохранена терминологическая точность (Пять признаков увядания).

ГЛАВА 1. ПЯТЬ БЕДСТВИЙ

— Говорят, в четырех семьях — Е, Бай, Цзи и Янь — рождаются одни красавцы. Брехня. О Цзи и говорить нечего, их род вырезали под корень. А тот разбойник из Врат Воров семьи Янь? Тьфу, одно название, что мужик... С дочерью Главы Союза Неба и Земли, конечно, связываться не стоит, но ее болезненный фаворит весьма недурен собой. Жаль только, девок не жалуется... А Бай Цинцин? Тоже мне, «краше, чем Пань Ань». Задница мягкая, точно рисовый пирог! Хотя дед его и был великим полководцем, а потомки совсем измельчали.

Осыпался осенний цвет, в воздухе витала прохлада. Перед окном, затянутым зеленым шелком, женщина неспешно пудрила лицо, рассуждая о мужчинах.

В волосах сверкала драгоценная шпилька, силуэт был безупречен. Но стоило взглянуть в зеркало — и очарование рушилось: седина тронула виски, а лицо, тронутое печатью старости, напоминало иссохшую маску. Глубокие морщины, землистая кожа, старческие пятна — уродство не могла скрыть никакая косметика.

И эта старуха свысока поносила лучших юношей Поднебесной — тех, по кому сохли первые красавицы знатных домов. Судя по тону, эта безобразная особа со всеми ними успела закрутить по интрижке.

— Пирог... рисовый... — протянул один из двоих юношей, сидевших в той же комнате. Тот, что помоложе, вертел в руках разобранный головоломку «девять колец». Он замер с отсутствующим видом: — Сестрица, ты так говоришь... что я аж проголодался.

Второй, в белоснежных одеждах, сидел за столом, на котором лежал цинь. Пальцы его замерли над струнами, он сурово нахмурился.

Женщина кокетливо глянула на него:

— Как по мне, мужчины нынче пошли — одно разочарование.

Белоризник даже не обернулся:

— Ты можешь делить ложе хоть с тысячей любовников, но так и не узнаешь, что значит прожить жизнь вдвоем, душа в душу.

— Ой-ой, гляньте, какой грозный, — женщина принялась поправлять седые пряди на груди. — Можешь и дальше корчить из себя святошу, всё равно останешься обычным бабником, который не брезгует и парнями!

— Чистоту не хвалят, грязь не ругают. Не собираюсь с тобой спорить.

— Уж куда мне до твоих заумных речей, — старая уродина вдруг повела себя как капризная девчонка, и в конце фразы ее голос сорвался на высокую ноту: — Ну а как тебе Е Яньлань, дочь Главы Союза Неба и Земли?

— Разумеется, она в тысячу раз лучше тебя.

Белоризник едва заметно усмехнулся — так язвительно, что любой другой на месте женщины лопнул бы от злости.

Младший юноша, только что мечтавший о пирогах, вдруг встрепенулся. Он перестал выглядеть глупо. Он отложил головоломку и серьезно произнес:

— Третий брат, она — любимица главы союза и избранница нашего молодого господина. В этот раз, на турнире за право руки и сердца, твои вольности не пройдут.

Женщина фыркнула:

— Не факт еще, что господин возьмет его с собой! Кто пойдет свататься, таща за собой такого распутника?

Тот лишь небрежно бросил:

— Если не меня, то кого? Во мне страсть, во мне же и бедствие. Я единственный, кто поможет молодому господину добиться успеха, приложив вдвое меньше усилий.

— И то верно, — женщина снова уставилась в зеркало, поглаживая желтоватое пятно под глазом, и добавила с непостижимым апломбом: — Ведь я — первая красавица в мире, а ты, Усинь, — первый в мире бабник. Разве что сердце нашего господина уже занято... Тогда он точно возьмет меня, чтобы эта Дева Е сгорела от стыда и поскорее отступила.

Усинь, как звали белоризника, промолчал. Он привык, что эта карга вечно мелет чепуху.

— А может, господин в этот раз вообще никого из вас не возьмет, — младший поднялся, потирая виски. Он то прояснялся, то снова мутнел взглядом. — Я и сам не хочу... Голова... раскалывается.

Старуха рассмеялась:

— Уцэ, тебе полегчало? Еще вчера ты бормотал какую-то чушь про расчет войск князя Цинь и «цветение старого дерева», считая звезды на небе! Я даже слушать тебя не стала — голова кругом от твоей болтовни!

Уцэ изумился:

— Неужели я закончил расчеты?! Сестрица Уянь, ты помнишь ответ? Сколько их там, звезд?

Усинь, не проронив ни слова, подхватил свой тяжелый цинь из сандалового дерева, зашел Уцэ за спину и с размаху приложил его инструментом по затылку.

Тот мешком повалился на пол — на губах застыла блаженная улыбка, сознание покинуло его.

Уянь вскочила, сжимая в кулаке острую шпильку:

— Усинь, ты что, тоже с ума сошел?!

— Это ты с ума сошла, — холодно отрезал тот. — Забыла, что стоит упомянуть звезды, как у него начинается припадок?

— Мог бы просто усыпить его, нажав на точки! Зачем сразу цинем-то колотить? Он и так дурачок, а ты его совсем калечишь.

— Мои руки созданы для музыки, а не для возни с ним. И вообще, по-твоему, чья это вина?

Именно в этот момент в комнату вошел Чжуан Шаогун, молодой глава клана.

Картина, представшая его взору, была... специфической.

Пятеро смертников, которых его отец, Чжуан Цзисюн, холил и лелеял как бесценное оружие. Пять «Бедствий», о которых в мире боевых искусств ходили жуткие легенды.

На полу валялся Уцэ, «Бедствие заблуждения», с видом человека, обретшего вечный покой.

Над ним с инструментом в руках стоял Усинь, «Бедствие страсти», с лицом, полным брезгливого высокомерия.

А за столиком пудрилась Уянь, «Бедствие старости», — форменное чудовище.

Шаогун невольно занес ногу обратно за порог. Замер, глубоко вдохнул и вежливо постучал по косяку.

Спорщики тут же оборвали перепалку и склонились в глубоком поклоне:

— Приветствуем молодого господина.

— Оставьте формальности, — Шаогун попытался вспомнить правила приличия, но, не найдя подходящих слов, просто спросил: — А где Уди?

— Тот убийца? — отозвалась Уянь. — Сидит в подземелье, в цепях из черного железа. Прикажете выпустить?

—...Пожалуй, не стоит.

Усинь спросил без тени эмоций:

— Хозяин говорил, господин собирается в Союз Неба и Земли?

Шаогун кивнул:

— Глава Союза Неба и Земли решил выдать дочь за победителя турнира. Отец велел мне взять с собой одного из вас. Я не хотел в это ввязываться, но отец говорит, что книжной мудрости мне мало — нужно испытать характер на деле. Как сказано в писании: «Истинное золото закаляется в огне». Пора и мне мир повидать, себя понять. Ведь если ты — великая река, то не побоишься сточных вод.

Уянь слушала его внимательно, а потом с преувеличенным изумлением спросила:

— Господин, вы сейчас на каком языке говорили? На срединном?

Шаогун вздохнул. На эту особу рассчитывать не приходилось.

Усинь, кажется, понял суть:

— Не познав мир, не уйдешь от него. Кого выберете?

— Боюсь, Усинь, — Шаогун виновато улыбнулся, — тебя я взять не смогу.

— Почему же?

— Рядом с тобой дева Е на меня и не взглянет.

Уянь так и просияла, скорчив Усиню жуткую гримасу. Тот лишь недоуменно на нее покосился: чего это старая корга радуется? Он вовсе не рвался в путешествие. Дома кормили, поили и не трогали — чего еще желать? Уянь, судя по всему, думала так же.

— Господин, Уцэ не пойдет, — заметил Усинь. — Он хоть и мастер расчетов, но сейчас у него обострение безумия.

Само собой, Шаогун и сам видел лежащее на полу тело. Получалось, что из всех грозных слуг никто не годен к делу? Поразмыслив, он понял: остался лишь Умин, «Бедствие болезни», которого он в глаза не видел.

Шаогун вообще мало знал о своих смертниках. Он знал лишь одно: детям семьи Чжуан испокон веков запрещалось изучать боевые искусства.

В мире боевых искусств есть негласный закон: мастеру не к лицу убивать беззащитного книжника. Тот, кто нарушит это правило, рискует навлечь на себя гнев еще более сильного мастера. Даже демонические секты считали зазорным вырезать семьи ученых — славы в этом никакой, одна лишь вонь на всю Поднебесную. Слово перебить выводок кроликов, чтобы доказать свою удаль, — курам на смех.

Так изучение наук стало для семьи Чжуан способом выжить.

Глава клана и его наследники не владели мечом, и потому не боялись столкновения с великими мастерами, но зато были легкой добычей для обычного отребья. Уличные громы плевать хотели на кодексы чести — им бы только кошелек набить.

К счастью, в семье передавался древний трактат — «Пять признаков увядания небесного существа».

Эта техника могла сделать из слабака мастера, из старухи — красавицу, из дурака — гения. Она позволяла очаровывать звуками циня или превращать вчерашнего разбойника в искусного лекаря.

Но была и цена. Тот, кто практиковал это искусство, мог на миг покорить мир и вкусить

высшее блаженство, но в конце его ждала неминуемая смерть. Ни один мастер этой техники еще не дождался до двадцати лет. Именно поэтому наследникам клана вход в этот мир был заказан.

Это не просто боевое искусство. Это сама суть страданий: рождение, старость, болезнь, смерть. Кто его создал? Зачем воплотил человеческую судьбу в столь кровавой форме?

Шаогун не знал ответов. Отец хранил молчание до поры до времени.

Вместо детей клана эту пагубную технику изучали специально обученные смертники. Уянь, Усинь, Уцэ, Уди и Умин были лучшими из них.

— Господин, — Уянь хихикнула, указывая на себя, — так кого же вы берете?

Шаогун отвел взгляд:

— Говорят, Умин очень силен?

Уянь скривилась:

— Старший брат Умин? Силен-то силен, да только он покойник ходячий.

— Вот как? — Шаогун слышал, что Умин обладает даром возвращать мертвых с того света. И этот целитель — сам едва дышит?

— Господин, вы ведь понимаете, что Умин не чета нам?

— В чем же разница? — Для Шагуна они все были одинаково странными.

Усинь и Уянь переглянулись, будто решая, стоит ли открывать правду. Наконец Усинь заговорил:

— Мы — люди со средними способностями. Нам под силу освоить лишь одно из «Пяти признаков увядания небесного существа». Потому нас и называют «Бедствием страсти», «Бедствием старости», «Бедствием смерти» или «Бедствием заблуждения». Но Умин другой. Его зовут «Бедствием болезни», но он постиг все пять путей.

Шаогун все понял:

— Значит, он и впрямь велик.

— Он — гений, каких не было в нашем роду сотню лет. Единственный, кто смог овладеть всем трактатом в одиночку.

Уянь, которой надоело слушать разглагольствования Усиня, перебила:

— Господин, зачем палить из пушки по воробьям? Каждое применение нашей техники сокращает жизнь на десять, а то и на двадцать лет. Если решите взять Старшего брата, трижды подумайте.

— Верно, — добавил Усинь. — Умин в мире один, а таких, как я, можно найти сколько угодно.

Шаогуну стало любопытно: с чего бы им так рьяно защищать этого человека?

— Раз он такой, как вы описываете, я обязан его увидеть.

— Хорошо, — сказал Усинь, — но прежде вы должны уяснить одну вещь.

— Какую?

— Умин не желает быть человеком.

— Это еще что значит? — удивился Шаогун. — У него какой-то дурной нрав?

— «В этой жизни не быть человеком» — таков его обет. Он не станет лебезить перед вами, он даже разговаривать не станет. Не вините его в непочтительности. Его жизнь принадлежит вам и вашему отцу, но меч не обязан лстить тому, кто его держит.

Шаогун улыбнулся. Гордый смертник — это по нему.

— Я понимаю. За золото можно купить верность, но не достоинство. Усинь, неужели ты думаешь, что я настолько глуп?

Только тогда Усинь зашел за ширму и откинул полог кровати:

— Прошу вас, господин.

Шаогун не ожидал, что Умин всё это время был в комнате. Подобравшись и настроившись на серьезный лад, он подошел ближе.

На постели лежал юноша. Казалось, он вырезан из нефрита — в лице не было ни кровинки.

— Это... и есть Умин? — шепотом спросил Шаогун.

— Перед вами глава «Пяти Бедствий», — подтвердил Усинь.

Уянь присела на край кровати:

— Господин, не стесняйтесь. Брат в глубокой медитации, он сейчас и конца света не заметит.

С виду юноша казался совершенно обычным. Очень тихий, спокойный. Шаогуну он сразу понравился: не такой дерзкий, как Уянь, и не такой вызывающе красивый, как Усинь. С ним в пути они будут выглядеть просто как два брата — лишнего внимания не привлекают.

— И как же его разбудить?

— Поцелуйте его, он и проснется, — хихикнула Уянь.

Шаогун изменился в лице, но быстро понял, что это шутка.

Усинь посмотрел на господина как на идиота и просто похлопал юношу по плечу. Тот мгновенно открыл глаза — чистые, как горное озеро, но пустые. Посмотрел и снова закрыл их.

— Брат, кончай дрыхнуть, господин пришел, — сказал Усинь.

Шаогун поймал себя на мысли: интересно, кто же из них на самом деле старший?

Юноша повернул голову и снова открыл глаза, глядя на Шаогуну. Тот всматривался в этот взгляд, пытаясь уловить хоть какую-то эмоцию, но тщетно. Этот парень казался еще более «бесстрастным», чем сам Усинь.

Раз он не любит лесть и пустую болтовню, решил Шаогун, перейду сразу к делу:

— Умин, я — молодой глава клана Чжуан Шаогун. Я отправляюсь в Союз Неба и Земли. Пойдешь со мной?

Юноша не шевельнулся и не произнес ни звука. Он просто смотрел на него, не мигая.

— Господин, — перевел Усинь, — Брат говорит: «Как вам будет угодно».

Шаогун кивнул и спросил:

— Умин, как твое здоровье? Сдюжишь ли путь?

Юноша по-прежнему молчал, не сводя с него глаз. Усинь помедлил, всматриваясь в брата, и наконец произнес:

— Брат говорит: «Пустяки. Мне лень двигаться, но если уж придется сопровождать вас, извольте за мной ухаживать».

Шаогун опешил. Не от дерзости, нет — просто лицо Умина оставалось абсолютно неподвижным. Как Усинь умудрился столько в нем прочитать?

— Брат добавил, чтобы вы не пугались. Это «передача звука в разум».

— Передача в разум? — Шаогун окончательно растерялся. — Если он так умеет, почему не говорит напрямую со мной?

— «Ты не владеешь боевыми искусствами, как же ты примешь мой голос?» — процитировал Усинь, добавив от себя: — Так он сказал.

— Справедливо, — признал Шаогун. — Но почему бы просто не открыть рот?

— Говорит: «Слишком утомительно. Лень»

Неужели передавать мысли легче, чем говорить? Шаогун проглотил вертевшийся на языке вопрос.

— «Хм, ну что, жалеешь? Разбудил меня, а теперь, если не возьмешь с собой — пеняй на себя»

Усинь произнес это ровным голосом, как заученный стих, а потом добавил:

— Тон у брата, конечно, не такой, как у меня. Тут уж сами догадывайтесь.

Шаогун смотрел на бледное лицо юноши и пытался понять, как же «догадываться» о его тоне.

Признаться, на миг он и впрямь пожалел о своем решении. Ему всего-то и нужно было — выполнить волю отца, мир посмотреть да людей показать. Хотелось найти спокойного спутника. А этот Умин... немота его сулила немало хлопот.

Шаогун улыбнулся и честно признался:

— Есть немного. Усинь предупреждал, что ты не любишь разговаривать, я знал об этом. Знал, а всё равно разбудил. Моя вина. Но отступить я не намерен.

Юноша выслушал его, и наконец в нем что-то изменилось: он просто опустил веки и закрыл глаза.

На этот раз Шаогун не стал ждать перевода:

— Ну, и что твой брат сказал на этот раз?

— Ничего не сказал, господин, — ответил Усинь. — Он уснул... то есть вошел в медитацию.

Шаогун выдохнул, чувствуя, как отпускает напряжение. Глядя на этого мальчишку, он на мгновение забыл, что хозяин здесь — он сам.

<http://bllate.org/book/17481/1692005>